

Егана Джаббаров

В ЕЩ И

жилет
что остается от нас,
кроме разных предметов,
надкусанных яблок и подписанных книг.
вот, например, от себя я оставлю это:
картонку от колготок, на которой ты написала
стамбульским утром
ждать вас труднее, чем казалось. время выхода: 15:30
шел ливень, все прятались и ругались
бабушка после смерти оставила сундук,
битком набитый вещами
всем детям и внукам,
что было неожиданно и странно,
мне казалось, что она меня не любит,
мы никогда по-настоящему не говорили
единственное, что она сказала мне, было:
осторожно, змея
я стояла босыми ногами посреди сада,
крепко зажав в руке пучок кинзы,
посмотрела под ноги, а там
красное тело змеи,
ее страшные глаза.
оказалось, что в сундуке
нашлась вещь и для меня –
желтый жилет из дешевой ткани
с большой пуговицей посередине
изумрудный платок
когда моя мать родила долгожданного сына,
у нее начали выпадать волосы,
клочки волос,
колтуны черных жестких умирающих волос

оставались на руках всякий раз,
когда она выходила из душа,
лицо ее становилось беспомощным
полудетским обиженным
глаза наполнялись слезами,
она стыдливо приглаживала остатками волос
телесную дыру на голове
стеснялась и читала на ночь выпуски зож,
вручную выписывала рецепты для роста волос,
со временем она полностью облысела,
яростно втирала в голову перец чили,
экстракт алоэ, ставила уколы прямо в луковицу и ревела,
пила таблетки, мазала авокадо, а потом смирилась
начала носить платки и очень стеснялась
зимой было неудобно,
когда снимаешь шапку, платок слетает,
как-то постарела и стала чувствовать себя некрасивой
а мне было стыдно и страшно,
что вдруг однажды и я постарею
сначала страшно, а потом чудовищно стыдно
багровое лицо загоралось как солнце бесконечно
только через год оно потухло,
когда я отправила матери свою лысую голову на фотографии
и почувствовала, как она благодарно вздохнула с облегчением
мы обе теперь некрасивые женщины, обе лысые,
только я ношу серый платок, а она — изумрудный.

полумесяц

когда родился мой брат,
все были счастливы:
маленькие ножки, ручки и гигантские губы
сердце — почему-то решила работница роддома
мне было пятнадцать лет, и я впервые ощутила
материнскую истерику и бесконечное чувство страха
страшно трогать, брать на руки, обнимать,
но самое страшное — купать в голубой ванной
вдруг не удержишь и его скользкое тело выскользнет
это было странно, но когда он засыпал

все собирались рядом и наблюдали
просто наблюдали за тем, как он спит
как посапывает во сне и сосет палец
как меняется его личико и светлеет,
если он слышит мамин голос,
когда брату исполнился год, немногим больше
родители сказали, что нужно сделать обрезание
к нам пришел пожилой мужчина
всех выгнали и комнату разрезал надвое крик
моего маленького брата
такой страшный, что мне хотелось забежать и забрать его оттуда
не позволить никому причинить ему боли,
лишить его всей боли за всю жизнь
друг отца повесил на шею брата красивый серебряный полумесяц,
в нем ярко светились камушки и переливался свет,
отображались звезды,
полумесяц был слишком красивым для повседневной жизни,
поэтому мать убрала его в деревянную коробку в спальне
однажды утром мы обнаружили, что коробка пуста
моя сестра вынесла все украшения из дома и отдала цыганке,
потому что та уверила ее в женском проклятье рода
она обещала, что всего лишь поспит на золоте и вернет
не вернула,
так главное утешение брата, его полумесяц
серебряный с переливающимся светом
оказался в чужих руках, мне почему-то кажется, грязных
в очень грязных руках цыганки,
присвоившей боль моего брата,
обманувшей мою сестру.